

лирике Пушкина гроза — «символ свободы» («Кто, волны, вас остано-вил...»), океан — «свободный» («Приветствую тебя, свободный океан...»), море — свободная стихия.

Очень показательны, что именно теме свободы — в основном теме свободы — посвящена программная и итоговая для всего романтического периода творчества Пушкина элегия «К морю». Д. Д. Благой отмечает связь и перекличку элегии с ранним стихотворением, открывающим южный период в творчестве Пушкина. — «Погасло дневное светило...». К этому ученый добавляет: «Но если элегия „Погасло дневное светило...“ была прологом к романтическому периоду творчества Пушкина, прощальное обращение к морю является явственным его эпилогом»¹.

Стихотворение «К морю» — это прощание с романтизмом и одновременно воспоминание о нем. Прощаясь с романтизмом, Пушкин вспоминает о самом дорогом, что у него связано с романтическим миром чувств и переживаний, — о свободе. Есть нечто знаменательное в том, что стихотворение пишется в Михайловском. Потеряв всякую надежду на свободу, поэт с новой и особенной силой воспевает ее и оплакивает ее. Образ моря, центральный в стихотворении, существует не столько предметно, не столько сам по себе, сколько как символ высших, духовных ценностей. Как сюжетная завязка, как ввод в самое главное, звучат начальные слова стихотворения: «Прощай, свободная стихия...». За ними образ полной, абсолютной свободы: и свободная, и стихия.

Образ моря-свободы является для стихотворения не только центральным, но и конструктивным: с ним в стихотворении все связано — и слова, и мысли, и поэтические воспоминания. В тесной связи с ним возникают в стихотворении и образы Наполеона и Байрона. Соотнесенность этих образов с образом моря не является лишь внешней. Дело не только в том, что оба — и Наполеон, и Байрон, погибли вблизи моря. Важнее, что они, хотя и по-разному, ассоциируются в сознании поэта с понятием свободы. В стихотворении «Недвижный страж дремал...» Пушкин говорит о Наполеоне «Мятежной вольности наследник и убийца». Байрон соотносится с образом моря по-иному и особенно тесно и глубоко. С морем — свободной стихией. Для Пушкина, автора элегии «К морю», Байрон прежде всего певец свободы и человек, погибший за свободу:

...Исчез, оплаканный свободой,
Оставя миру свой венец.
Шумы, волнуйся непогодой,
Он был, о море, твой певец.
Твой образ был на нем означен,
Он духом создан был твоим:
Как ты, могущ, глубок и мрачен,
Как ты, ничем неукротим...

Тут естественно возникают некоторые литературные параллели. Пушкинская трактовка Байрона в этом стихотворении заставляет вспомнить другого романтика — Рылеева. Вольнолюбивые стихи Пушкина, прославление им свободы как высшей человеческой ценности, вообще делают Пушкина близким поэтам-декабристам, в частности и Рылееву.

В 1824 г. (в том же году, в котором написана элегия «К морю») Рылеев пишет стихотворение «На смерть Байрона». Так же как и Пушкину, Байрон близок Рылееву прежде всего своим вольнолюбием, своим подвигом во имя свободы. Стихотворение Рылеева о Байроне по существу хвала и слава не одному Байрону, но всякому подвигу во имя свободы, всякому борцу за свободу:

¹ Благой Д. Д. Творческий путь Пушкина (1813—1826). М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950, стр. 395.